



СЛОВО В ТЕКСТЕ И В СЛОВАРЕ

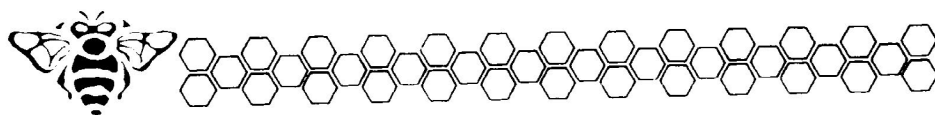
**СБОРНИК СТАТЕЙ
К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА Ю. Д. АПРЕСЯНА**



STUDIA PHILOLOGICA



STUDIA PHILOLOGICA



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

СЛОВО В ТЕКСТЕ И В СЛОВАРЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ
К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА Ю. Д. АПРЕСЯНА

Ответственные редакторы:
Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин



ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2000

ББК 81.2Рус-3
С 48

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)
проект 00-06-87006



Составители: И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин
Ответственные редакторы: Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин

С 48 Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна / Отв. ред.: Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин; Сост.: И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 648 с. – (Studia philologica).

ISBN 5-7859-0199-4

В книге собраны научные статьи, посвященные семидесятилетию выдающегося лингвиста современности академика Юрия Дерениковича Апресяна. Среди авторов как маститые ученые из России, Белоруссии, Австралии, Канады, Германии, Швейцарии, США, Швеции, Финляндии, Польши, Чехии, Венгрии, так и представители молодого поколения исследователей языка. Тематика статей отражает широчайший круг научных интересов юбиляра: здесь представлены работы, посвященные семантике и прагматике языковых единиц, лексикологии и лексикографии, синтаксису, прикладной лингвистике, а также лингвистической поэтике, истории языка и языкознания.

ББК 81.2Рус-3

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© Авторы, 2000

ISBN 5-7859-0199-4



9 785785 901995 >

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Об Апресяне (Л. П. Крысин).....	9
---------------------------------	---

Раздел I. Семантика и прагматика языковых единиц

<i>В. Ю. Апресян, С. А. Григорьева</i> Волшебство в языке	15
<i>Н. Д. Арутюнова</i> Знать себя и знать другого (По текстам Достоевского).....	22
<i>О. Ю. Богуславская</i> Об особом состоянии ума и воли: <i>готовый</i> и <i>согласный</i>	42
<i>И. М. Богуславский, Л. Л. Йомдин</i> Семантика медленности	52
<i>Anna Wierzbicka</i> The Salt of the Earth: Explaining the Meaning of Some of Jesus' Sayings in the Sermon on the Mount	61
<i>Любомир Дюрович</i> Соблазн родства (О значении лексем в родственных языках).....	77
<i>Анна А. Зализняк</i> Заметки о метафоре.....	82
<i>Е. А. Земская</i> Функции американизмов в речи русских эмигрантов	91
<i>Р. Ф. Касаткина</i> Об изменениях в просодической системе русского литературного языка в последние десятилетия	102
<i>Г. Е. Крейдлин</i> Невербальные акты и глаголы касания	109
<i>Т. В. Крылова</i> Статусные правила в наивной этике.....	122
<i>Roman Laskowski</i> Rosyjskie <i>znać</i> , polskie <i>wiedzieć</i> , <i>znać</i>	128
<i>И. Б. Левонтина</i> Русское финальное <i>a?</i> : Портрет невидимки	144
<i>Фолькмар Леман</i> Лексическое значение и грамматические функции русского имени прилагательного.....	153

<i>Ю. С. Мартемьянов</i> Деепричастие в его межфразовой функции (Семантическое описание — от структурной гипотезы значения к ее доказательству)	163
<i>Е. В. Падучева</i> Наблюдатель как Эксперисент «за кадром»	185
<i>Я. Панёвова, К. Маркова</i> Описание двух типов конверсивных пар	202
<i>В. А. Плунгян</i> 'Быстро' в грамматике русского и других языков	212
<i>Е. В. Рахилина</i> Стой, кто идет?	224
<i>Rudolf Růžička</i> On the Borderline between Grammar and Pragmatics: the Russian Epistemic Verb <i>kazat'sja</i>	231
<i>С. М. Толстая</i> Опасность знания (Из народной гносеологии)	236
<i>Е. В. Урысон</i> Понятие нормы в метаязыке современной семантики (Параметры человеческого тела с точки зрения русского языка)	243
<i>Эр. Хан-Пира</i> Лукавая синонимика	253
<i>Н. Ю. Шведова</i> Русская дейктическая форма <i>сделано</i> и означаемый ею тип сообщения	258
<i>А. Д. Шмелев</i> «Общие» слова	266
<i>Е. С. Яковлева</i> О языковой картине мира в аспекте ее динамики: переосмысление старых значений	281

Раздел 2. Лексикология, лексикография

<i>Г. В. Булыгина, А. Д. Шмелев</i> Числительные в русском языке: Лексикографические лакуны	289
<i>Н. А. Еськова</i> Предлоги с беглым <i>о</i> в русском языке: Попытка лексикографического отражения	307
<i>Bernard Comrie</i> Tsez as an Intransitive Language: An Aspect of the Structure of the Tsez Verbal Lexicon	312
<i>Alan Timberlake</i> On First Looking into Apresjan's Lexicon	317
<i>V. Shevoroshkin</i> Symmetric Construction in Milyan Inscriptions	324

Раздел 3. Синтаксис

<i>Andrzej Boguslawski</i> Remarks on Passivisation.....	345
<i>Д. Вайс</i> Русские двойные глаголы: кто хозяин, а кто слуга?	356
<i>Л. Н. Иорданская</i> Соподчинение прилагательных в русском языке (по следам Вендлера)	379
<i>L. Iordanskaja, I. Mel'čuk</i> The Notion of Surface-Syntactic Relation Revisited (Valence-Controlled Surface-Syntactic Relations in French)	391
<i>А. Е. Кибрик</i> Внешний посессор как результат расщепления валентностей.....	434
<i>Ханс Роберт Мелиг</i> О коммуникативной функции элементарных предикаций.....	447
<i>Eva Hajičová, Petr Sgall</i> Dependency, Coordination, and Projectivity	456
<i>В. С. Храковский</i> Диатезы и залого (Тридцать лет спустя).....	466

Раздел 4. Прикладная лингвистика и проблемы перевода

<i>А. В. Гладкий</i> Союз лингвистики и математики: Взгляд через сорок лет.....	477
<i>Н. В. Григорьев</i> Аварийные механизмы для синтаксического компонента системы ЭТАП-3.....	485
<i>Sophia Lubensky</i> Seeking the Best of Both Worlds	491
<i>Эрна Палл</i> О некоторых типах неадекватностей в переводах с русского на венгерский.....	505
<i>Х. Т. Томмола</i> Лингвистика на службе права: что предусмотрено языком?	513
<i>Л. Л. Цинман, В. Г. Сизов</i> Лингвистический процессор «ЭТАП»: процедуры ослабления синтаксических правил и их использование.....	521

Раздел 5. Лингвистика и поэтика

<i>Тереза Добжинская</i> «Мой интимный маленький мир» и поэтические способы концептуализации: метафора.....	529
<i>Emily Klenin</i> The Word <i>no</i> in Poems by Afanasii Fet	538
<u>А. Е. Супрун</u> Лексическая структура стихотворения Марины Цветаевой «Я страница твоему перу».....	547

Раздел 6. Диалектология, история языка, история языкознания*Dean S. Worth*

Philology and Textology. II.

The Incremental Structure of the Boris and Gleb *Skazanie Čudes*..... 557*О. Г. Гецова*Глагол *образоваться* в русском диалекте..... 567*В. М. Живов*

О связанности текста, синтаксических стратегиях

и формировании русского литературного языка нового типа..... 573

Л. Л. Касаткин

Донские казачьи говоры 582

Т. М. Николаева

Несколько слов о лингвистической теории 30-х: фантазии и прозрения..... 591

*В. Н. Топоров*Русск. *бард*: долгая предистория и краткая история — освоение чужого 608

Библиография работ Юрия Дерениковича Апресяна 631

ОБ АПРЕСЯНЕ

В феврале 2000 года выдающемуся ученому-лингвисту академику Юрию Дерениковичу Апресяну исполнилось 70 лет. Филологам разных специальностей он известен прежде всего своими пионерскими работами в области структурной лингвистики, теоретической семантики, синтаксиса и лексикографии. Кроме того, в течение многих лет Ю. Д. Апресян возглавляет исследовательскую и практическую работу по созданию систем машинного перевода, а также других систем автоматической обработки текста.

Ю. Д. Апресян родился в Москве 2 февраля 1930 года. Окончив в 1953 году факультет английского языка 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков, он несколько лет преподает английский в том же институте и одновременно занимается научными исследованиями, результатом которых становится его кандидатская диссертация на тему «Фразеологические синонимы в современном английском языке», защищенная им в 1958 году.

В 1960 году Ю. Д. Апресян переходит в Институт русского языка Академии наук СССР, где в секторе структурной лингвистики работает до лета 1972 года в должности младшего научного сотрудника. В июне 1972 года ученый совет Института русского языка «не счел возможным» переаттестовать Ю. Д. Апресяна даже в столь скромной научной должности, хотя к этому времени Ю. Д. Апресян — один из ведущих специалистов в области структурной лингвистики, автор двух книг (одна из которых уже переведена на другие языки) и множества статей. Такое решение академического учреждения было продиктовано, конечно же, вненаучными обстоятельствами: Ю. Д. Апресяна преследовали за его инакомыслие. Он не скрывал своего несогласия с политикой советской власти, с ее идеологическими догмами, неоднократно выступал в защиту несправедливо осуждаемых — Ю. Даниеля и А. Синявского, А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, в защиту своего друга Константина Бабицкого, который вместе с другими участниками демонстрации 25 августа 1968 года был приговорен к нескольким годам ссылки.

С 1972 по 1985 г. Ю. Д. Апресян работает в московском НИИ «Информэлектрон», где собирает группу из лингвистов и программистов, которая под его руководством занялась разработкой систем французско-русского и англо-русского автоматического перевода научно-технических текстов. В 1985 году вместе с несколькими своими сотрудниками он переходит в Институт проблем передачи информации (ИППИ) АН СССР, где сначала работает в качестве главного научного сотрудника, а с 1989 по 1994 г. — заведующим лабораторией компьютерной лингвистики (с 1995 года он вновь в должности главного научного сотрудника этой лаборатории). Параллельно с работой в ИППИ Ю. Д. Апресян возглавил коллектив ученых в Институте русского языка РАН, позднее составивших сектор теоретической семантики; этот коллектив в 1991 году начал разработку синонимического словаря русского языка принципиально нового типа (к настоящему

времени опубликован проспект и первые два выпуска словаря; работа над словарем продолжается).

Научные труды Ю. Д. Апресяна принесли ему широкую известность не только в России, но и за рубежом. Достаточно сказать, что его книга «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (1966 г.) была переведена в 70–80-х годах на английский, немецкий, французский, испанский, португальский, венгерский, польский, а монография «Лексическая семантика. Синонимические средства языка» (1974 г.) — на английский и польский языки; в переводах на основные европейские языки стали известны специалистам и многие статьи Ю. Д. Апресяна.

Однако официальная лингвистическая наука того времени не признавала несомненных заслуг ученого. Более того, чинились всевозможные препятствия его научной деятельности: Ю. Д. Апресяна многократно «прорабатывали» на различных заседаниях и собраниях, вызывали в КГБ, отказывали ему в выезде за границу по приглашению зарубежных научных учреждений, запрещали читать лекции студентам, в советских научных журналах не принимали к публикации его статьи, удаляли ссылки на его труды в работах других отечественных ученых. В 1973 году была умышленно потеряна сланная им в издательство «Наука» рукопись книги «Лексическая семантика». Впоследствии, когда автору удалось ее восстановить и все-таки опубликовать, эта книга положила начало новой эпохе в теоретической семантике и лексикографии. Сейчас без нее невозможно представить себе не только дальнейшее развитие этих лингвистических дисциплин, но и преподавание языкознания в вузах. Однако лишь в 1984 году, да и то втайне от московской официальной науки, Ю. Д. Апресян защитил в Минске монографию «Лексическая семантика» в качестве докторской диссертации.

Обстановка, сложившаяся в советском языкознании в конце 60-х — 70-х годах, описана самим Ю. Д. Апресяном в предисловии к двухтомнику его «Избранных трудов» (М., 1995), где он говорит не только о собственных злоключениях, но и о гонениях, которым подвергались другие ученые.

Несмотря на столь неблагоприятные условия для научной деятельности, Ю. Д. Апресян все эти годы активно работает в различных направлениях как теоретической, так и прикладной лингвистики, а также русистики, создавая исследования, которые оказывают значительное влияние на развитие и отечественной, и мировой науки о языке. Такие его книги, как уже упоминавшиеся «Идеи и методы современной структурной лингвистики» и «Лексическая семантика», а также «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» (1967), «Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели “Смысл ↔ Текст”» (Вена, 1980), фундаментальные и новые по принципам составления словари: «Англо-русский синонимический словарь» (1979, в соавторстве), созданный в сотрудничестве с А. К. Жолковским, И. А. Мельчуком и другими «Толково-комбинаторный словарь русского языка» (Вена, 1984), выдержавший несколько изданий «Новый большой англо-русский словарь» (в 3-х томах, 1-й том — под общим руководством Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна, 2-й и 3-й — под руководством Ю. Д. Апресяна, 1993–1994; Ю. Д. Апресян — один из основных авторов этого словаря), двухтомный словарь «Русский глагол — венгерский глагол. Управление и сочетаемость» (Будапешт, 1982; в соавторстве с Э. Палл), несколько книг по лингвистическому обеспечению систем автоматической обработки текста, написанных под его руководством и при его решающем авторском участии, множество

статей, устные доклады и выступления на семинарах — все это представляет собой еще не оцененный в полной мере вклад Ю. Д. Апресяна в развитие современной лингвистики и в ее практические приложения.

Выдвинута им в начале 80-х годов идея интегрального (то есть единого для словаря и грамматики) описания естественного языка, практически воплощаемая им в многочисленных статьях и в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка», находит последователей в молодом поколении ученых. Ю. Д. Апресян организует несколько лексикографических школ, в ходе работы которых лингвистическая молодежь приобщается к новым принципам описания лексики и участвует в разработке «Интегрального словаря современного русского языка» (материалы этого словаря составили 32-й том сборника «Семантика и информатика», 1991 г.).

Особого упоминания заслуживает основанный Ю. Д. Апресяном в 1974 году постоянно действующий семинар — вначале по прикладной, а затем и по теоретической лингвистике, — который, не прерывая своей работы в течение двадцати семи (!) лет, и поныне собирает на свои занятия специалистов из научных учреждений и вузов Москвы и других городов России. Семинар явился «ячейкой», в которой постепенно формировалась и к настоящему времени вполне сложилась возглавляемая Ю. Д. Апресяном Московская семантическая школа. Надо сказать, что форма семинарских занятий, с их свободным обменом мнениями, особенно близка Ю. Д. Апресяну, поскольку, несмотря на свое явно лидерское положение в отечественной лингвистике, он предпочитает именно диалог с коллегами и учениками, обсуждение научных проблем «на равных». Он умеет слушать и слышать собеседника, не навязывая ему собственной точки зрения.

В начале 90-х годов заслуги Ю. Д. Апресяна были, наконец, признаны официальной академической наукой: в июне 1992 года он был избран действительным членом Российской академии наук (минуя стадию члена-корреспондента). Излишне говорить, что это «вознесение» на академический олимп несколько не повлияло на поведение Ю. Д. Апресяна и на его качества как ученого и человека: он так же без устали трудится на благо любимой лингвистики, он так же доступен и прост в общении, так же внимателен к коллегам, как это было и раньше. Но появилось и новое: этот признанный во всем мире ученый получил теперь возможность беспрепятственно публиковать свои труды у себя на родине, выступать в любой аудитории, свободно ездить за границу, знакомя зарубежных специалистов с результатами своих исследований и обсуждая с ними насущные научные проблемы.

Необычайная профессиональная добросовестность, основанная на высоких нравственных принципах, строгая требовательность как к своим научным изысканиям, так и к работам других ученых сочетаются у академика Ю. Д. Апресяна с уважением к иным научным концепциям и направлениям, с терпимостью в отношении тех из них, которые противоречат его собственным научным установкам.

Не верится, что Юре Апресяну, нашему славному Дереникычу, уже семьдесят: он всё так же полон энергии и новых исследовательских замыслов. Пожелаем же ему успеха в их осуществлении!

Л. П. Крысин

РАЗДЕЛ 1

**СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ**

ВОЛШЕБСТВО В ЯЗЫКЕ*

В. Ю. Апресян, С. А. Григорьева
(Москва)

Юрию Дерениковичу Апресяну к семидесятилетию

Любой писатель может рассматриваться с трех точек зрения: как рассказчик, как учитель и как чародей (волшебник). В большом писателе совмещаются все три, но великим его делает преобладание чародейства.

В. Набоков, Хорошие читатели и хорошие писатели.

1. Введение

Выбор темы для юбилейной статьи — дело непростое, и оба автора провели много времени в мучительных раздумьях. В какой-то момент нам совершенно независимо пришла в голову мысль описать синонимический ряд *волшебник, чародей, маг, колдун, чудотворец*, в результате чего и возникла эта совместная работа. Конечно, одинаковый ход наших мыслей можно приписать случайности. Однако мы, как лексикографы, не верим в случайности и считаем, что все может быть объяснено действием некоторого общего принципа — в данном случае подсознательным влиянием языковой картины мира. Выбранная тема была продиктована теми ассоциациями, которые Юрий Дереникович вызывает в нашем сознании. Какой языковой концепт в наибольшей мере соответствует представлению о человеке, сочетающем творческий дар, могущество и доброту? Мы не нашли лучшего, чем доминанта этого ряда.

В нашей работе мы руководствовались общими принципами словарного описания синонимов, предложенными в работе [Апресян 1995]. Однако поскольку специфика рассматриваемых слов требует апелляции к достаточно широкому культурному контексту, который не может быть в полной мере отражен в словарной статье, мы позволили себе выбрать более свободную форму изложения.

Для рассматриваемых лексем предлагается следующее общее толкование: 'человек, способный делать вещи, которые не может сделать никакой обычный человек, потому что они нарушают законы устройства мира'.

* Данная работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 99-04-00420а и РФФИ № 00-15-98866.

Описываемая группа слов принадлежит к обширному классу лексики, описывающей ту часть наивной картины мира, которая связана с представлениями о сверхъестественном, и в первую очередь с различного рода существами, наделенными сверхъестественными способностями. Эта лексическая область, с одной стороны, включает в себя наивную религию, тесно смыкающуюся с догматическими, внеязыковыми религиозными представлениями; ср.: *Бог, ангел, херувим; дьявол, черт, бес*. С другой стороны, в нее входит мифология; ср.: *божество, нимфа, сатир, наяда, триада* и пр. Важное место в этой области занимает фольклор с его многочисленными персонажами; ср.: *гном, леший, Кощей, Баба Яга, оборотень* и пр.

Интересующий нас пласт лексики можно обозначить как принадлежащий области сказки в самом общем смысле. Семантически лексемы ряда *волшебник* отличаются от лексем трех вышеупомянутых областей по следующим признакам: 1) каков субъект; 2) в чем состоит сверхъестественность субъекта.

Субъект рассматриваемых слов — это человек, пусть и наделенный сверхъестественными способностями, в то время как в религии, мифологии и фольклоре действуют не люди, а существа иной природы.

Волшебники поражают воображение человека в первую очередь своими действиями — чудесами. Сверхъестественные существа необычны своими свойствами: видом (*гномы, эльфы*), местом обитания (*русалки, лешие*) и т. д. Они могут никак не проявлять себя в действии, но удивительны уже одним фактом своего существования. Однако четкой границы между указанными областями нет, и область сказки смыкается и с наивной религией (*чудотворец*), и с фольклором (*колдун*).

Существует группа лексем, непосредственно примыкающая к рассматриваемому ряду. С одной стороны, это обозначения женщин, обладающих сверхъестественными способностями, а именно: *волшебница, фея, колдунья, ведьма, устар. кудесница*. Семантически они являются синонимами ряда *волшебник* и имеют то же исходное толкование, с поправкой на пол субъекта. Интересно при этом, что для синонимов *маг* и *чудотворец* нет «женского» коррелята, а *ведьма* не имеет стандартного «мужского» аналога (ср. диалектное *ведьмак*).

Несколько дальше от рассматриваемого ряда отстоят такие лексемы, как *предсказатель, прорицатель, провидец, ясновидящий; пророк; оракул; гадалка, ворожея; предсказательница, прорицательница, провидица, ясновидящая* и др. Специфика этих лексем состоит в том, что они указывают на способность знать или предсказывать будущее.

2. Значение

Рассматриваемые синонимы различаются по следующим смысловым признакам: 1) что дает субъекту возможность производить необычные действия (помощь добрых или злых сил, врожденная способность, особые знания); 2) чем субъект пользуется для осуществления чуда (заклинания, молитвы, волшебные предметы); 3) что субъект делает (исцеляет, превращает и т. п.); 4) каков субъект (добрый или злой); 5) какому миру он принадлежит (реальному или вымышленному); 6) каков облик субъекта (близкий к облику обычного человека; необычный; отталкивающий).

Синоним *волшебник* является самым нейтральным словом ряда. Источник сверхъестественных способностей *волшебника* обычно не специфичен — эти способности могут быть и врожденными, и приобретенными. Приобрести такие способности *волшебник* может разными путями, чаще всего учась; ср.: *Старик --- на самом деле был одним из самых искусных и коварных волшебников Ливии и научился своему искусству у другого волшебника, обитавшего на берегу Нила* (О. Уайлд, Мальчик-звезда; пер. с англ. Т. Озерской); — *Я не волшебник, я еще только учусь, — говорит мальчик тихо, — но любовь помогает нам делать настоящие чудеса* (Е. Шварц, Золушка).

Арсенал чудодейственных средств *волшебника* также широк — он может пользоваться и заклинаниями, и волшебными предметами, а также просто силой слова или жеста. Ср.: *По мере того, как волшебники приносили свои заклинания, превращение совершалось, и когда они кончили, бедный юноша стал таким безобразным существом, которого никогда не бывало* (Лоцман из Булони, французская народная сказка; пер. К. И. Варшавской).

Однако основным, закрепленным преимущественно за *волшебником*, инструментом является *волшебная палочка*; ср.: *Вслед за этим появились гусли-самогуды, скатерть-самобранка и разные другие таинственные предметы. Незнайка постепенно убедился, что перед ним самый настоящий волшебник, и спросил: — А волшебная палочка есть у вас?* (Н. Носов, Незнайка в Солнечном городе).

Чудеса *волшебника* часто связаны с человеком. *Волшебник* может помогать человеку, исполнять его желания или, напротив, причинять ему зло. Таким образом, *волшебники* бывают добрыми и злыми. Сочетания *добрый волшебник* и *злой волшебник* приобрели статус устойчивых. Ср.: *Он был добрый волшебник — лечил приходивших к нему людей и просто лесных зверушек --- и отгонял темные силы от леса так далеко, как только мог* (А. Калинин, Два кольца); *Я от сегодняшнего вечера ждала чудес — и вот они пришли. — Король попросил доброго волшебника сделать что-нибудь доброе, волшебное, приятное всем. И вот мы с вами перенеслись в волшебную страну* (Е. Шварц, Золушка); *Злой волшебник Кашнур, который заколдовал вас, заколдовал и меня. --- Он поднес мне какое-то питье, и не успела я сделать глоток, как стала отвратительной птицей* (В. Гауф, Калиф-аист; пересказ А. Любарской).

Волшебник может не иметь никаких специфических внешних характеристик; ср.: — *В жизни со мной таких чудес не бывало. Вот уж ничуть не удивлюсь, если я сегодня волшебника встречу! — Ты его уже встретил. Незнайка подозрительно посмотрел на старичка: — Вы, может быть, скажете еще, что вы волшебник и есть?* (Н. Носов, Незнайка в Солнечном городе).

При этом *волшебники* являются принадлежностью исключительно сказочного мира, т. е. слово *волшебник* в переносном употреблении встречается, как правило, в контексте сказки. В отличие от синонимов *колдун* и *чудотворец*, которые могут обозначать реально существующих людей, *волшебник* не имеет денотата в реальном мире.

Близким, но стилистически маркированным (необходимым) и несколько менее частотным синонимом *волшебника* является *чародей*. Так же как и *волшебник*, *чародей* принадлежит миру сказки.

Отличительной особенностью *чародея* является большое могущество — масштаб осуществляемых им чудес обычно значителен. В связи с этим для сино-

нима *чародей* характерна сочетаемость с прилагательными *могущественный* и *великий*; ср.: *Это был, наверно, мудрый и могущественный чародей. Во-первых, он сумел убить дракона, а во-вторых, ему удалось ускользнуть, не оставив никаких следов* (Урсула Ле Гвин, *Правило имен*; пер. М. А. Андреева); *В ту отдаленную эпоху — в стране, которую позже назвали Волшебной, появился могучий чародей Гуррикап. Это Гуррикап отгородил Волшебную страну от остального мира Великой пустыней и кругосветными горами, это он дал животным и птицам, ее населявшим, дар человеческой речи, он заставил круглый год сиять над ее лесами и полями жаркое летнее солнце* (А. Волков, *Желтый туман*).

Могущество *чародея* создает дистанцию между ним и человеком, бóльшую, чем в случае *волшебника*. В отличие от *волшебника*, *чародей* немыслим в бытовой ситуации и стоит как бы над людьми. В силу своей удаленности от человека, *чародей* мыслится как нечто таинственное и, возможно, зловещее, связанное с потусторонними силами; ср.: *И говорили чародеи с духами, мир населяющими и речи ведущими* («Московский ведьмак», по материалам сети Интернет).

Маг отличается от всех остальных *волшебников* тем, что его сверхъестественные способности обычно связаны с особыми знаниями, которые, как правило, черпаются из волшебных книг; ср.: *Да, они знали кое-какие заклинания, умели превращать воду в вино, и каждый из них не затруднился бы накормить пятью хлебами тысячу человек. Но магами они были не поэтому — Они были магами потому, что очень много знали* (А. и Б. Стругацкие, *Понедельник начинается в субботу*).

В этом отношении *маг* сближается с алхимиками и чернокнижниками, носителями псевдонаучного знания. Ср.: *Неужели где-то во тьме средневековья этот чернокнижник Максим действительно нашел колдовскую формулу, как вызывать дьявола? А потом для отвода глаз ссылается на всякие философские формулы. Хотя он и доктор философии, и профессор какой-то высшей социологии, но весь дом у него набит книгами по сатановедению* (Г. Климов, *Имя мое легион*); *При дворе содержались ученые, в большинстве, конечно, шарлатаны, но и такие, как Багир Кисэнский, открывший сферичность планеты; алхимик Синда, искавший, как все алхимики, способ превращать глину в золото, а нашедший закон сохранения вещества* (А. и Б. Стругацкие, *Трудно быть богом*).

При этом *маг* часто связан с потусторонними силами. Они являются источником его могущества, помогая или служа ему. В зависимости от того, какого рода силы помогают ему и какой характер носят его чудеса, *маг* может быть *черным* или *белым*. В соответствии с закрепленными в европейской культуре ассоциациями темноты (черного цвета) со злом, а света (белого цвета) с добром, словосочетание *черный маг* несет отрицательные коннотации, а *белый маг* — положительные.

Основными инструментами *мага* являются заклинания или предметы, на которых нанесены некоторые таинственные письмена или символы. Ср.: *Розабельверде стала наступать на мага, как вдруг из ее волос выпал золотой гребень и разбилась о мраморный пол, словно хрустальный. — Горе мне! Горе мне! — вскричала фея — Нужно остерегаться ронять что-нибудь на этот пол, ибо — эти камни покрыты диковиннейшими иероглифами* (Э.-Т.-А. Гофман, *Крошка Цахес*, по прозвищу Циннобер; пер. А. Морозова).

Маг обычно имеет необычный и величественный облик. Необычность может проявляться как во внешности, так и в одежде. Ср.: *И вдруг фея Розабельверде,*

во всем блеске и величии, явилась посреди комнаты. А перед нею маг в расшитом золотом хитоне, со сверкающей короной на голове, в руке трость с источающим огненные лучи набалдашником (Э.-Т.-А. Гофман, Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер; пер. А. Морозова).

В рассматриваемом значении маг, так же как волшебник и чародей, является сказочным персонажем. Наряду с этим у слова маг есть два других значения. Они развиваются именно в силу рациональности магического искусства. Одно из этих значений близко к рассматриваемому и переносит концепт магии в современную реальность. Маг 2 обозначает человека, профессионально занимающегося магией и обладающего не волшебными, а паранормальными способностями, подобно телепатиям, экстрасенсам и т. п. Ср.: *Московская ассоциация парапсихологов насчитывает в своем составе 50 белых и 87 черных магов* (Экстра М, 27.03.99).

Маг 3 обозначает фокусника. То, что делает маг 3, может казаться чудесным, но при этом известно, что знания, которыми он пользуется, имеют абсолютно реальную, немистическую природу. Ср.: — *Вчера вы изволили фокусы делать... — Я?* — воскликнул в изумлении маг. — *Помилосердствуйте* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

В некоторых контекстах трудно различить, о каком именно значении идет речь; ср.: *Маг, регент, чародей, переводчик или черт его знает кто он на самом деле — словом, Коровьев — раскланялся и, широко проведя лампадой по воздуху, пригласил Маргариту следовать за ним* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Колдун отличается от всех остальных синонимов ряда тем, что обозначаемый им субъект по преимуществу делает зло; ср.: *«Испортити царя!» — думали все. — Какой-нибудь колдун испортил, не иначе* (Д. Н. Мамин-Сибиряк, Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей, царевну Кутафью и царевну Горошинку); *Когда-то я был королем над людьми. Теперь я король воронов: злой колдун обратил в птиц меня и весь мой народ* (Король-ворон, французская народная сказка; пер. М. Е. Абкиной).

Обычно колдун мыслится как инструмент злых, темных сил; ср. *«Я выпущу тебя; но если ты меня обманываешь, — сказала Катерина, остановившись перед дверью, — и вместо того, чтобы покаяться, станешь опять братом черту?»* — *Замки загремели. «Прощай, дитя мое!» — сказал колдун, поцеловав ее* (Н. В. Гоголь, Странная месть).

В силу этого колдуны (как и ведьмы) могут становиться объектом преследования; ср. устойчивое выражение *охота на ведьм*. Обычно колдунов предают смерти через сожжение. Ср.: *При Иване Васильевиче — царе Грозном — опричники Малюты Скуратова с шутками и прибаутками сожгли его по доносу соседа-дьяка в деревянной бане как колдуна* (А. и Б. Стругацкие, Понедельник начинается в субботу).

Кроме того, подобно чудотворцу и в отличие от всех остальных волшебников, колдун может принадлежать как вымышленному, так и реальному миру. Он может жить среди людей и не слишком отличаться от них внешне. При этом колдуны, как правило, живут в деревнях или в лесу; ср.: *А весной привозили к барышне колдуна из села Чермашного, знаменитого Климма Ерохина, благообразного, богатого однодворца, с сивой большой бородой, с сивыми кудрями, расчесанными на прямой ряд, очень дельного хозяина и очень разумного* (И. А. Бунин, Суходол); *Она была родом зыбушинская. Говорили, будто она дочь сельского колдуна* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Способности колдуна обычно врожденные и передаются по наследству; ср.: *Я сожгу старого колдуна, так что и воронам нечего будет расклевать. Это кладбище! — тут гниют его нечистые деды. Говорят, они все готовы были себя продать за денежку сатане* (Н. В. Гоголь, *Страшная месть*). При этом колдун часто учится у более опытных колдунов.

Колдуя, колдун использует различные природные средства — зелья, снадобья, травы и грибы (часто ядовитые), а также «нечистых», вызывающих отвращение животных типа змей, жаб и т. п.; ср.: *Лодка причалила, и вышел из нее колдун. Тихо вошел он, не скрипнувши дверью, поставил на стол горшок и стал бросать длинными руками своими какие-то неведомые травы, шевеля губами и творя какие-то заклинания* (Н. В. Гоголь, *Страшная месть*); *Здесь можно было встретить и беглого раба со смоляным клеймом между лопаток. И скрюченного в три погубели колдуна, собирающего тайные грибы для своих колдовских настоев, при помощи которых можно стать невидимым, превращаться в некоторых животных или приобрести вторую тень* (А. и Б. Стругацкие, *Трудно быть богом*).

В этом колдун сближается со знахарями, которые также используют природные средства. В отличие от колдунов, знахари занимаются преимущественно лечением. *Мне приходилось слышать много странных и весьма красочных рассказов о местных знахарях, способных как иссушить человека или даже довести его до смерти, так и исцелить за несколько дней руку, наполовину оторванную ягуаром* (Г. Райт, *Свидетель колдовства*; пер. В. Н. Авилевой).

Колдун, как правило, имеет отталкивающую внешность и вызывает страх; ср.: *Все показывали со страхом на стоявшего посередине их казака. Когда же есаул поднял иконы, вдруг все лицо его переменилось: нос вырос и наклонился на сторону, вместо карих, запрыгали зеленые очи, губы засинели, подбородок задрожал и заострился, как копье, из рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал казак — старик. «Колдун оказался снова!» — кричали матери, хватая на руки детей* (Н. В. Гоголь, *Страшная месть*); *В лапах косматых и страшных / Колдун укачал весну* (А. Блок, *В лапах косматых и страшных...*).

Синоним *чудотворец* стоит в рассматриваемом ряду особняком. *Чудотворец* в первую очередь связан с представлениями о религиозном чуде. Способности чудотворца являются даром Бога; ср.: *Древние наши калики перехожие в одном из своих стихов поют про св. чудотворца Николая, что он чудотворец. Богом силен, он всем покровитель* (Церковно-народный месяцеслов). Способность к чудотворству не является врожденной и ее нельзя приобрести с помощью обучения. Она посылается Богом избранным людям, ведущим праведную жизнь. Обычно *чудотворец* — это святой.

Чудотворец является заступником и покровителем людей, поэтому его чудеса всегда направлены на их благо: он воскрешает, исцеляет, спасает; ср.: *В частности, в сказаниях о чудотворце Николае заключается весьма много случаев, в которых этот святой угодник является помощником людей в самых затруднительных житейских обстоятельствах* (Церковно-народный месяцеслов); *Святитель Алексей, митрополит Московский и всея России чудотворец --- исцелил слепую Тайдулу, супругу хана* (Спаси и сохрани, авторы-составители Г. Баранова, Л. Спирина).

Представления о *чудотворцах* и их чудесах отражены в основном в канонических церковных текстах, в первую очередь в житиях. Список *чудотворцев* замк-

нут и канонизирован — за некоторыми святыми закреплен эпитет *чудотворец*. Наиболее известен *Николай-чудотворец*.

Чудотворец является проводником Божественной воли и поэтому не имеет никаких собственных инструментов и закрепленных атрибутов осуществления чуда.

Синонимы *волшебник*, *чародей* и *чудотворец* имеют еще один важный круг употреблений, в котором различия между ними в значительной мере нейтрализуются. В этом круге употреблений они указывают на людей, обладающих особыми, редкими способностями. То, что делают эти люди, недоступно рядовому человеку, однако не нарушает законов устройства мира. В этом употреблении для указанных слов очень характерна сочетаемость с прилагательным *настоящий* 2 [Апресян 1995: 505–506] и наречием *прямо* 3. Для синонимов *маг* и *чародей* употребления такого рода возможны, но менее характерны. Ср.: *Кто он, Баратынский, измученный жестокой судьбой? Волшебник? Чудотворец? Колдун? Откуда пришли к нему эти слова, наполненные горечью минувшего счастья, былой нежности, всегда прекрасной в своем отдалении?* (К. Паустовский, *Наедине с осенью*); *Вы маг и чародей, профессор, — сконфуженно вымолвил он* (М. Булгаков, *Собачье сердце*); *Этот хирург — настоящий волшебник; Да вы прямо волшебник, — рассмеялась она. — Откуда вы знаете, что я люблю такое мороженое?* (А. Рыбаков, *Дети Арбата*).

Помимо рассмотренных синонимов, в ряд входят также устаревшие лексемы *кудесник* и *ведун*. *Ведун* сближается с колдуном. Ср.: *И волхвы, и ведуны, и калики в значительной степени владели не только даром предвиденья и чтения природы, словно книги, но также и секретами медицины* (Д. Гаврилов, В. Егоров, *Падение Арконы*). *Кудесник* наиболее близок *волшебнику*, но при этом чаще всего указывает на человека, обладающего даром прорицания. Ср.: *Из темного леса навстречу ему / Идет вдохновенный кудесник, / Покорный Перуну старик одному, / Заветов грядущего вестник* (А. С. Пушкин, *Песнь о вешем Олеге*); *Когда же по всем расчетам у князя должно было лопнуть терпение, кудесник неожиданно заявил, что ему удалось проникнуть сквозь толщу веков и теперь он ясно видит перед собой картину* (А. Козлов, *Разгром Киева ханом Бату*).

Литература

- Апресян Ю. Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // *Апресян Ю. Д. Избранные труды*. Т. 2. М., 1995. С. 503–537.
- Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Проект. М., 1995. С. 7–118.

ЗНАТЬ СЕБЯ И ЗНАТЬ ДРУГОГО*

(По текстам Достоевского)

Н. Д. Арутюнова

(Москва)

Куда полезнее изучать не книги, а людей.

Ф. де Ларошфуко

Понимание даже самой тривиальной информации человеком представляет собой процесс, в котором чисто логические рассуждения перемежаются творческими актами.

Ю. Д. Апресян

— О чем вы, я не понимаю.

— Да я и сам не знаю... У меня вдруг как будто озарение.

Ф. М. Достоевский

Вводные замечания

1

Система русских когнитивных (ментальных, интенциональных) глаголов существенно отличается от соответствующих систем в основных европейских языках¹.

Своеобразие системы русских ментальных глаголов проявляет себя в двух ее особенностях. Первая состоит в том, что русский язык пользуется одним глаголом для выражения пропозиционального знания (знания информации) и опытного знания, или знания по знакомству; ср.: *знать, что поезд ушел; знать историю; знать жизнь; знать город; знать Иванова*. Когда речь идет о конкретных объектах, впрочем, в близком, но не тождественном, смысле используется сочетание *быть знакомым*. В ряде других индоевропейских языков пропозициональное знание и знание конкретных объектов, как известно, выражается разными глаголами; ср.: фр. *savoir* и *connaître*, исп. *saber* и *conocer*, ит. *sapere* и *conoscere*, нем. *wissen* и *kennen* и др. В английском, как и в русском языке, произошла унификация пропозиционального и опытного знания: оба они выражаются глаголом *know*, в основе которого лежит идея опытного знания (ср. др.-англ. *gescnāwan*

* Работа выполнена при поддержке фонда РФНФ (проект № 99-04-00294а).

¹ Автор пользуется случаем, чтобы выразить искреннюю и глубокую признательность Энверу Ахметовичу Макаеву за консультации и важное для автора обсуждение ряда вопросов, затрагиваемых в статье.

Интересно отметить, что корень *kun-*, к которому в германских языках восходят глаголы опытного знания, породил также слова со значением возможности (ср. нем. *können*, англ. *can*), мудрости (др.-сакс. *kunst*) и — что особенно важно — искусства (нем. *die Kunst*). Таковы некоторые пути развития семантики опытного знания. В древнерусском языке, как известно, пропозициональное и опытное знание выражались, соответственно, глаголами *вѣдѣти* (позднее *вѣдати*) и *знати*.

Другая, не менее существенная, особенность русских пропозициональных (ментальных) предикатов состоит в том, что вера и полагание (мнение) выражаются разными глаголами; ср. *верить* и *полагать* (*считать*, *думать*). Более того, вера располагает двумя однокоренными глаголами: *верить* и *веровать*. Употребление глагола *веровать* в современном языке пошло на убыль. Он сохранил свои позиции преимущественно в сакральных текстах. Однако в XIX в. он использовался довольно широко, о чем свидетельствуют тексты Достоевского. Глагол *верить* употребляется также в значении 'полагать', при этом подчеркивается, что мнение основано на некотором иррациональном ощущении. В большинстве других индоевропейских языков значения веры и полагания выражаются одним глаголом; ср.: фр. *croire*, исп. *creer*, ит. *credere*, англ. *believe*, нем. *vertrauen*, *glauben*. Характерно при этом, что в русском языке *вера* этимологически связана со значением «истина» (ср. лат. *verus* 'истинный'), а в романских языках — со значением доверия, полагания (ср. лат. *credere* 'верить, доверять, полагать, полагаться'). Колебание веры между полаганием, формируемым индивидом, и надиндивидуальной истиной свидетельствует о двойственности концепта веры, которая одновременно создает личность и вводит ее в некоторое сообщество людей. Ниже мы ограничимся рассмотрением семантики глагола *знать* в текстах Достоевского, предварив наш анализ короткой исторической справкой.

2

В старославянском языке глагол *вѣдѣти* был аналогом современного *знать*, но сохранял также значение 'видеть'. По отношению же к человеку употреблялся глагол *знати*, который имел также значение 'сознавать'. При этом его частотность в несколько раз уступала частотности глагола *вѣдѣти*. В рукописях X–XI вв. зарегистрировано 800 употреблений *вѣдѣти* и только 100 — *знати*; см.: [Старославянский словарь 1994]. В современном русском языке картина существенно меняется: показатель частотности глагола *знать* — 2192 (на 100 000 словоупотреблений), а глагола *ведать* — 14, из которых на научную литературу и публицистику приходится только — 2 [Частотный словарь 1977]. Былая популярность глагола *ведать* не прошла, однако, бесследно для русского языка. Она отозвалась в нем обширным деривативным гнездом; ср.: *ведь*, *весть*, *вестник*, *вестовой*, *со-весть*, *невежда*, *сведущий*, *несведущий*, *всеведущий*, *вещий*, *сведение*, *с ведома*, *(не)ведомо*, *заведомо*, *уведомить*, *ведомость*, *ведомство*, *заведовать*, *осведомлять*, *осведомитель*, *разведывать*, *выведывать*, *разведчик*, *ведьма*, *ведун*, *невеста*, *проведать*, *наведаться*, *поведать*, *повесть*, *исповедаться*, *исповедь*, *проповедовать*, *проповедь*, *заповедовать*, *заповедь*, *изведать*, *известие*, *известить*, *известный*, *безвестный*, *заведовать* и др.; ср. также сложные слова с компонентами *-вед* и *-ведение* (*языковед*, *языковедение*). Семантика приведенных слов освещает некоторые пути эволюции значения пропозиционального знания. Они ве-

дут к разного рода эпистемической деятельности: социальной и религиозной (*проповедовать, исповедовать*), бюрократической (*ведомство* и др.), тайной (*ведьма и разведчик*), коммуникативной (*поведать, известить*) и др. Знание деградирует в сторону информации и становится объектом игр и манипуляций. Особняком в этом кругу стоит важное для русского языка и русского образа человека слово — *совесть*, обнаруживающее судебскую направленность знания: *совесть* соединила в себе значения знания человека о себе, суда над собой, основанного на этом знании, и властной силы. О понятии совести см. [Апресян 1995: 352–354; Арутюнова 1999; Арутюнова 2000]; об образах совести, определяющих сочетаемость слова *совесть* см.: [Арутюнова 1976: 95–97].

Деривативное гнездо глагола *знать* не столь обширно: *познать, познание, признать(ся), признание, сознание, осознать, зазнаться, незнайка, всезнайка, узнать кого-нибудь, обознаться, распознать, знак, значить, означать, познакомиться, знакомство, знамо, зная, знамение, знаменитый, ознаменовать* и др.

Небезынтересна также жанровая статистика употребления глагола *знать*. Выше было отмечено, что ее общий показатель — 2192 словоупотреблений. Из них на художественную литературу приходится — 245, на драматургию — 1123, т. е. больше половины, на научную и публицистическую литературу — 256, на газетно-журнальные тексты — 568 [Частотный словарь 1977]. О чем свидетельствует эта раскладка? Прежде всего, о том, что питательной средой для глагола *знать* и соответствующего ему понятия является в современном языке не научная, а разговорная речь, диалог, в ходе которого собеседники обмениваются той или другой информацией («знаниями» и «мнениями»). Именно транзитивностью знания объясняется столь разительный перевес в частотности употребления глагола *знать* в драматических произведениях над другими жанрами, в том числе научным; см. примеры ниже. Сама идея пропозиционального знания, а также представление о человеке как носителе информации, локализованной в его сознании, подсказана вопросно-ответной формой общения, диалогом, лежащим в основе *диалектического* метода научного мышления. Не случайно сочинения античных мыслителей имели форму диалога, и эта традиция заметна в дискуссиях и интервью. Не случайно глагол *знать* сочетается с прямым и косвенным вопросом (см.: [Знание и мнение 1988; Апресян 1995а; Падучева 1998]). Не случайно также глагол *знать* так часто употребляется в апелляциях к адресату; ср.: *Знаете, пойдете-ка в сад!* (Достоевский, 9, 74)²; — *А знаете ли, по крайней мере, зачем вы это сделали?* — *Ваш вопрос умен. И знаете, я вас удивлю: я знаю, для чего я это сделал* (11, 189); — *И знаете, генерал, я в высшей степени раскаиваюсь* (5, 236). За апелляцией как бы скрывается вопрос, цель которого — выяснить осведомленность адресата. Это подтверждается формой индикатива и возможностью употребления с глаголом *знать* частицы *ли*, которая регулярно сопровождает глагол *видеть*, употребленный в аналогичной функции: *Видите ли (знаете ли, знаете), я к этому не готов*. Глагол *знать* может употребляться как с частицей *ли*, так и без нее с некоторым различием в интонации и смысле. Апелляция типа *знаете ли* часто выражает предупреждение или угрозу: *Знаете ли, я бы на вашем месте так не говорил; Знаете ли, что, может быть, вы вовсе не хороши* (5, 230). Глагол *ведать* таких контекстов не ведает. Обращает на себя внимание употребительность глагола *знать* в диалек-

² В дальнейшем отсылки к текстам Достоевского будут даваться в круглых скобках с указанием тома и страницы по Полному собранию сочинений в 30 т. (Л., 1972–1990).

тах и просторечии, в которых он приобретает разные смыслы, отягченные прагматическими «добавками», в том числе функцию модальной частицы со значением предположительности (*я знаю!*); см. ниже. Производное от анализируемого глагола имя *знание*, напротив, не характерно для разговорной речи и диалога. Зона его функционирования — научный дискурс и художественная литература. Общая частотность имени — 170 употреблений на один миллион (ср. 2192 для глагола *знать*), из которых 77 приходится на художественную литературу, 5 — на драматические произведения (для глагола *знать* этот показатель — 1123), 75 — на научную литературу и публицистику, 13 — на газеты и журналы [Частотный словарь 1977]. Пути глагола и имени разошлись. Полученная в разговорье или из газет информация обычно не называется *знанием*. О понятии знания см.: [Степанов 1997: 339–348].

В дополнение к сказанному необходимо отметить связь знания и памяти [Дмитровская 1988: 173–175]. Эта связь должна быть учтена при определении пропозиционального значения глагола *знать*: *знать* — значит иметь некоторое суждение (шире, информацию), оцениваемое как достоверное, в оперативном ментальном фонде человека (памяти); ср. сходное определение, но без отсылки к памяти в [Шатуновский 1988: 258–262]. Если человек не может в данный момент воспроизвести требуемую информацию, он говорит: «Не знаю. Забыл. Не могу вспомнить» или «Знал, но забыл». Знание забывают, мнение меняют, веру теряют. Память может сократить эпистемический фонд человека, но она способна также восстановить забытое знание. Ее действие обратимо.

3

Итак, в русском языке вербальное выражение информационного и опытного знания унифицировалось, причем за основу был принят глагол прямого познания. Различие между двумя видами знания выражается средствами синтаксиса и лексической сочетаемости глагола *знать* (см. ниже). В некоторых других славянских языках вербальное различие между этими видами знания в той или другой степени сохранилось: информационное знание ассоциировалось с корнем **yeid-*, а опытное — с **gno-*³; ср. в польском *wiedzieć* (*wiedz*) и *znać* ('быть знакомым',

³ И.-е. корень **ĝen-* (**ĝenō*) имел значение 'рождаться', 'быть в родстве', к которому, согласно О. Н. Трубачеву, восходит значение 'знать человека'. К и.-е. корню **yeid-*, имевшему значение 'видеть', восходит значение 'знать вещь' (ср. совр. *ведать чем-либо, за-вед-овать*), давшее позднее то, что условно называется пропозициональным знанием или знанием информации; см. [Трубачев 1959: 154–157]; там же см. библиографию по теме.

Проблема соотношения знания и рождения подробно обсуждается в статье В. Н. Топорова [Топоров 1994]. В ней прослеживается семантический параллелизм в биологической и когнитивной сферах. Автор видит в этом «отражение фундаментального единства 'верхней' и 'нижней' потенций..., интеллектуальной (духовной) и физической плодотворяющей силы, когнитивного и относящегося к физическому воспроизводству» (с. 134). При этом, пишет далее В. Н. Топоров, «очень велика вероятность, что праслав. **znakъ* некогда обозначал именно фаллос как *agens* рождения, не отделимый от инструментального средства рождения» (с. 140). Уточняя концепцию О. Н. Трубачева, В. Н. Топоров связывает с корнем *ĝen-* активное, творческое знание, а с корнем *yeid-* — знание пассивное, эмпирическое. Пассивное знание, согласно В. Н. Топорову, имеет ряд разновидностей: знание типа «увидел — узнал», знание в результате обучения, знание-память, знание по наитию (с. 154).

Ю. С. Степанов ассоциирует с и.-е. корнем **ĝnō-* «знание высшее, божественное, знание о высшем мире, недоступном органам чувств, но доступном разуму», а с *yeid-* —